

Ф. Г. НИКИТИНА

ПЕТРАШЕВЦЫ И ЛАМЕННЕ

В Центральном государственном архиве Октябрьской революции в материалах I экспедиции III Отделения за 1855 г. хранится дело под названием «О представленной дьяконом Алексеем Мезитопольским безымянной записки возмутительного содержания». Это дело содержит документы, отображенные у одного из участников кружков петрашевцев — Николая Александровича Мордвинова в 1855 г., когда он был арестован за пропаганду в г. Тамбове.¹ В числе документов значится «рукопись преступного содержания. Рассуждение о равенстве и о том, что цари произошли от змия», не имеющая ни заголовка, ни даты.² Нам удалось установить, что эта рукопись — не что иное, как перевод всех сорока двух глав знаменитого памфлета известного французского христианского социалиста аббата Фелисите Робера де Ламенне (1782—1854) «Слова верующего», запрещенного цензурой в России, но популярного среди передовой русской интеллигенции. Оказалось, что двадцать три главы памфлета (1—21, 33 и 42) переведены поэтом А. Н. Плещеевым, а девятнадцать глав (22—32, 34—41) — Н. А. Мордвиновым. Перевод готовился зимою—весною 1848—1849 гг., т. е. в период наиболее активной деятельности кружков петрашевцев, и предназначался для пропаганды.

Новый документ свидетельствует о большом интересе петрашевцев к творчеству христианского социалиста и о широте их пропагандистских замыслов. Он проясняет также некоторые моменты деятельности Ф. М. Достоевского-петрашевца. Наша находка дает возможность определить, в частности, что

¹ О судьбе Н. А. Мордвинова см.: Порох И. В. История в человеке. (Н. А. Мордвинов — деятель общественного движения в России 40—80-х годов XIX в.). Саратов, 1971.

² ЦГАОР, ф. 109, I экспедиция, III Отделение, оп. 1855 г., д. 269, л. 178—207.

именно из памфлета Ламенне Достоевский слышал от А. П. Миллюкова в апреле 1849 г. на вечере в кружке С. Ф. Дурова — А. И. Пальма.

О своем чтении перевода из Ламенне среди петрашевцев Миллюков упоминал в воспоминаниях «Литературные встречи и знакомства». Там же он писал об одобрении Достоевского, посчитавшего, что в переводе речь стала выразительнее, чем в оригинале.³ Об этой речи Миллюкова не раз говорилось во время следствия. Сам Миллюков показал: «Содержание статьи на славянском языке заимствовано было из сочинения Ламенне „Paroles d'un croyant“». В нем заключалось развитие учения Иисуса Христа о братской любви и о союзе между народами.⁴ С. Ф. Дуров свидетельствовал: «Содержание этой статьи взято частью из Святого Евангелия, частью из пророчеств; смысл тот же, что слабые угнетаются сильными и что сам Иисус Христос предан был архиереями и князьями на осуждение».⁵

Текст перевода «под названием Новое откровение митрополиту Антонию Новг., СПб. и др.»⁶ прочитанный на церковно-славянском языке учителем Миллюковым, до нас не дошел и до сих пор было неясно, к какому разделу книги Ламенне он относится.

Дуров четкого сюжета оглашенного Миллюковым перевода не приводит, тогда как каждая из глав памфлета его имела. Обращает на себя внимание: в обнаруженном в ЦГАОР переводе памфлета отсутствует введение. Ознакомление с последним по оригиналу показывает, что именно в нем содержатся все те мотивы, которые на слух уловил Дуров. Как нам представляется, это введение и положил в основу своего выступления Миллюков. Предположение подкрепляется и названием «Завещание», данным переводу Миллюкова в показаниях на следствии А. И. Пальмом.⁷ Во введении Ламенне, как известно, использовал литературную форму завещания умудренного жизненным опытом старца, который, обращаясь к молодым современникам, призывает их быть мужественными, готовиться к борьбе со злом.

Подтверждается мнение известного исследователя петрашевцев В. Р. Лейкиной-Свирской о том, что перевод Миллюкова из книги Ламенне «Слова верующего» предназначался для распространения путем подпольной печати. Теперь мы можем с полным основанием сказать: перевод памфлета — это результат тщательной и напряженной коллективной работы друзей Достоевского — Плещеева, Мордвинова и Миллюкова, о чем свидетельствуют

³ См.: Миллюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890, с. 183.

⁴ ЦГВИА, ф. 807, оп. 84/23, д. 55, ч. 101, л. 202.

⁵ Дело петрашевцев, т. III. М.—Л., 1951, с. 202.

⁶ Там же, т. I. М.—Л., 1937, с. 425.

⁷ Там же, т. III, с. 275.

правки и пометки, имеющиеся почти на каждой странице рукописи.

Достоевский был близко знаком со всеми тремя переводчиками «Слов верующего». Логично предположить, что он знал и о существовании перевода всей книги Ламенне и о планах использования его в пропаганде, но утаил это во время следствия, являя тем пример мужества и высокого понимания товарищеского долга. Сказанное Достоевским на следствии о Милюкове как о человеке бессерьезном, балагуре и остролове — не более чем способ выгородить одного из переводчиков памфлета.⁸ Стремление Достоевского таким способом отвести удар от Милюкова становится очевидным, если сопоставить слова писателя с показаниями самого Милюкова, дошедшими до нас и хранящимися в ЦГВИА и пока не опубликованными.⁹

Как профессиональный литератор, Достоевский несомненно, высоко ценил литературную работу своих друзей, в том числе конспиративных переводчиков западных социалистов. Думается, что на такого рода литературное дело, связанное с подготовкой пропагандистских документов, и намекал Достоевский в ночной беседе с Майковым незадолго до ареста в 1849 г.

Текст перевода «Слов верующего», сделанный тремя петрашевцами, помогает уточнить наши представления об утопическом социализме петрашевцев, об их мучительных поисках социалистических идеалов, более точно определить отношение к христианскому социализму и Ф. М. Достоевского накануне ареста.

Подробный анализ подготовленного петрашевцами перевода памфлета аббата Фелисите Робера де Ламенне «Слова верующего» и вытекающих отсюда выводов будет дан нами в специальной работе.

ПИСЬМА А. Е. ВРАНГЕЛЯ К ДОСТОЕВСКОМУ

Письма Врангеля (№ 1—12) печатаются по подлинникам: ЦГАЛИ, ф. 242, оп. 1, № 63.

Врангель Александр Егорович, барон (1833—после 1912 г.), дипломат, юрист и археолог. Окончив в 1853 г. Лицей и прослужив, по настоянию отца, год в Министерстве юстиции, он выбрал себе службу в только что учрежденной Семипалатинской области, куда и отправился на должность областного прокурора. Сам он писал об этом: «Меня особенно тянуло в эти дальние, неведомые страны моя страсть к наукам, к естественной истории, к путешествиям и к охоте» (Врангель А. Е. Воспоминания о Достоевском в Сибири. 1854—1856 гг. СПб., 1912. — В дальнейшем: *Врангель*). Перед отъездом Врангель встретился с М. М. Досто-

⁸ Это показание Ф. М. Достоевского приведено в кн.: Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. М., 1971.

⁹ ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, д. 55, ч. 101.

евским, с которым был знаком, и тот поручил ему «передать брату письмо, немного белья, книги и 50 рублей депозит» (*Врангель*, стр. 11). С этого началась активная роль Врангеля в деле постепенного улучшения положения Достоевского в Сибири, возвращения его сначала в Тверь, а потом и в Петербург. Врангель вовлек в эти хлопоты обширный круг своих высокопоставленных знакомых и родственников (подробнее см.: П., I, 517—518, а также: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, т. I. М., 1964, с. 244—245), а для начала ввел его во многие дома в Семипалатинске; так, например, благодаря ему Достоевский «сделался своим человеком» в доме военного губернатора Спиридопова, который его «искренно полюбил»; «сделался домашним человеком даже у своего батальонного командира Беликова» (*Врангель*, с. 25); бывал вместе с Врангелем по вечерам у полковника Мессароша и в доме начальника округа, и т. д.

Позднее, отправляясь в качестве секретаря начальника экспедиции к берегам Восточного Китая, Японии и к устью Амура, Врангель тревожился о Достоевском, спрашивая у М. М. Достоевского: «Ради бога, что делает и где брат Федор?» Письмо заканчивается просьбой обнять и поцеловать его, «ибо он мой брат и друг» (Лит. наследство, т. 86, с. 376). Достоевский тоже горячо привязался к Врангелю и «полюбил его очень». Письма 1855—1859 гг., в которых писатель рекомендует друзьям и знакомым «своего молодого друга», дают, как нам кажется, значительный материал исследователям творчества Достоевского. Некоторые герои его последующих произведений будут надлены чертами семипалатинского прокурора (см. об этом ниже, в комментариях к публикуемым письмам). Так, несомненно, внешность Врангеля, а также отдельные факты его биографии (например, его признание в том, что он «мало понимал тогда по-немецки» и не любил «этого языка» — *Врангель*, стр. 21; его рассказ о характере отца) отразились в образе Эркеля в «Бесах» (ср. с черновым наброском к III части романа: «...лицо у него было прехорошенькое и кроткое, даже как будто умное <...> Говорят, что покойный отец его был человек строгий и сумасшедший. [Он же был уже православный по матери, и вряд ли хорошо знал по-немецки]» (12, 19).

Чрезвычайно тонкая характеристика молодого Врангеля содержится в письме Достоевского к А. Н. Майкову от 18 января 1856 г. Эта характеристика значительно дополняется строками из письма Достоевского самому Врангелю (из Семипалатинска от 9 марта 1857 г.): «...характеры, как у вашего отца, — странная смесь подозрительности самой мрачной, болезненной чувствительности и великодушия <...> Мне кажется, что вы такого же характера, тоже больны сердцем и душою, и если в вас еще не развилась мнительность и подозрительность, то не было случая, или еще рано, то есть разовьется потом. Зато у вас болезненно развилась чувствительность...» (П., I, 215, 216). Намеки на тя-